

УДК 343.7:343.94

ОСОБЕННОСТИ ЛИЦ, СОВЕРШАЮЩИХ ИМУЩЕСТВЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ*И.В. Козлов*

На основе анализа эмпирических данных, полученных в процессе работы по имущественным преступлениям, определены социально обусловленные и индивидуальные особенности лица, их совершающего. Обоснована необходимость профилактики имущественной преступности на ведомственном и общесоциальном уровнях.

Ключевые слова: имущественная преступность; индивидуальные особенности лиц; криминальная среда; профилактика преступного поведения.

FEATURES OF PERSONS COMMITTING PROPERTY CRIMES*I. V. Kozlov*

The author considered a question of the personality committing the property crimes which have been socially caused and specific features of this category of persons. The article is based on the empirical data received in the course of work on crimes of this category. The purpose is drawing attention to a problem of property crime and its prevention on departmental and general social level.

Key words: property crime; specific features of persons; criminal environment; prevention of criminal behavior.

Установление закономерностей и структурных особенностей лиц, совершающих имущественные преступления, дает возможность оказывать направленное воздействие на социальную группу преступников, отбывающих наказание в местах лишения свободы, и тех, кто до настоящего момента не отбывал наказания.

Из содержания работы «Криминология и биотехнологии» В.С. Овчинского [1] по вопросу отыскания наследственных признаков преступника можно сделать вывод о том, что путем геномного анализа можно спрогнозировать индивидуальное преступное поведение. Однако сегодня применение в практической деятельности органов внутренних дел методов геномного прогнозирования или математического моделирования индивидуального преступного поведения является необозримой перспективой. По этой причине криминологическое значение с прикладной точки зрения имеет само понятие личности преступника в совокупности элементов.

Личности преступника следует понимать как совокупность интегрированных в ней социально значимых негативных свойств, образовавшихся в процессе многообразных и систематических взаимодействий с другими людьми [2]. В этой связи следует обратить внимание на диалектику следующих трех категорий: природа, индивидуальность и

личность; которую приводит в своих лекциях профессор Московской духовной академии дьякон Андрей Кураев [3]. Природа человека отражает общность свойств, определяющих принадлежность индивидов к человеческому роду. Она определяет физиологическую, социокультурную, дискурсивную общность. Индивидуальность характеризует персональную самость [4], выраженную в пропорциях тех или иных свойств человека, например, таких, как интеллектуальная, эстетическая, морально-этическая, духовная развитость. Все это находится под управлением личности как ипостаси свободной воли человека. В психологическом контексте структура личности включает установку (программа поведения в нравственном контексте); система влечений, потребностей, интересов. Все эти элементы находятся под контролем воли, которая определяет направление тех или иных проявлений деятельности индивида [5]. Именно от воли зависит, будет ли активность личности противоречить нормам закона и общественным ожиданиям.

Преступность – болезнь, болезнь внутреннего психологического, духовного и социального плана, вероятно даже неотъемлемая составляющая общественной формации. О личности преступника можно говорить лишь в том случае, если человек совершил преступление, то есть его поведение подпадает под действие нормы уголовного закона,

обладая в настоящий момент не индивидуальной (как понятие христианского греха), а общественной опасностью. Такое сужение понятийного аппарата на протяжении долгих лет советского и постсоветского периода условно делила общество на две отдельные группы: добропорядочные граждане и преступники-изгои, нарушившие закон и тем самым не соответствующие образу советского человека. Сам же советский человек априори чужд проявлениям подобного рода правовой несознательности. Эта линия демаркации и в настоящее время сохраняется в видении и подходе органов внутренних дел даже по прошествии периода реформ. В частности, криминальная полиция по сей день остается орудием наказания преступника, в то время как функция восстановления прав граждан (в частности имущественных) выполняется постольку, поскольку это соответствует задачам уголовного судопроизводства.

Свои суждения о лицах, совершающих имущественные преступления я строю на результатах проведенного анкетирования мужчин, содержащихся под стражей в СИЗО-3 г. Заводоуковск Тюменской области за период с 1 марта 2009 г. по 1 августа того же года, а также арестованных, содержащихся в условиях ИВС УВД по г. Ноябрьск ЯНАО за период с 10 января 2010 г. по 1 ноября 2013 г. Более 75 % опрошенных указали, что содержатся под стражей за совершение имущественных преступлений (кража, грабеж, разбой, угон). Остальные лица, не вошедшие в данное число, имели прежние судимости за совершение имущественных преступлений. Более 33 % опрошенных содержатся по подозрению в совершении кражи.

Средний возраст лица на момент совершения им первого поступления составляет 21 год, а средний возраст содержащихся составляет 24 года. Данный возраст характеризуется наибольшей степенью социальной активностью индивида. 39 % опрошенных не состоят в браке, женаты – 14 %, 19 % имеют семью и детей, 11,5 % разведены.

Анализ условий детства и формирования личности имущественного преступника показывает, что лишь в 10 % случаев лицо было лишено родительской опеки, более того, 59,7 % оценивают характер отношений в семье как хорошие и лишь 7 % – как плохие. Только 22 % опрошенных до момента совершения преступления проживали одни, 37,5 % – с родителями, такая же доля принадлежит проживавшим со своей семьей. 52,3 % оценивают свои жилищные условия до заключения под стражу как хорошие, 10 % – как плохие. 39,3 % проживали в отдельной благоустроенной квартире и только 7 % не имело жилья. 45 % респондентов оценивают материальные условия как удовлетворительные, как

плохие – 17,5 %. 74,5 % указали, что основным источником их доходов были заработанные собственным трудом деньги, находились на иждивении 9,7 %, иным путем (в том числе и кражами) зарабатывало на жизнь 12 %. На основании этих данных можно сделать вывод, что наличие полной семьи, и субъективная оценка отношений в ней как благополучных, относительно благоприятные бытовые условия не являются свидетельством правовой сознательности гражданина, а, скорее, следствием правильно сформированных общественных установок.

Социальное положение данных лиц до момента заключения под стражу характеризуется тем, что абсолютное большинство заключенных имеет определенный род занятий, связанных с физическим трудом, что в принципе не стало препятствием для совершения нового преступления. Среди профессий, указанных опрошенными, наиболее часто встречаются такие, как водитель, сварщик, работник сельского хозяйства, что обусловлено особенностью региона проживания.

Данные лица в большинстве своем соответствуют среднему образовательному уровню нашей страны, имеют профессию (по данным проведенного исследования 31,9 % – среднее профессиональное образование). По данным всероссийской переписи 2010 г., на 1000 граждан приходится 312, имеющих среднее профессиональное образование [6].

Относительно национальной принадлежности имущественных преступников показательно то, что 71 % опрошенных русские, татары – 8 %, лица кавказской национальности – 1 %. Именно русскому психотипу [7] свойственны в большей части преступления корыстной направленности. По мнению З. Фрейда, “наличие инстинкта смерти, задачей которого является приводить все органически живущее в состояние безжизненности; в то же время Эрос имеет целью осложнять жизнь все более широким объединением рассеянных частиц живой субстанции – конечно, с целью сохранить при этом жизнь” [8].

О стойкости преступной антиобщественной ориентации жизненных установок свидетельствует то, что среди опрошенных лишь 33 респондента не указали сведений о прежних судимостях за совершение имущественных преступлений, что составляет 15 % их общего числа. Таким образом, 85 % арестованных уже имеют криминальный опыт. Полностью предыдущее наказание отбывало лишь 17,5 %; 31,4 % отбывали наказание частично либо условно.

Сегодня так называемые “понятия” подменяются рекламными слоганами копирайтера, призывающего к приобретению того или иного матери-

ального блага. Но многие молодые люди все еще пребывают под воздействием преступной романтики, сулящей им “Dolce vita”. 34 % опрошенных пояснили, что преимущественные воровские профессии существуют, против высказалось 24 %, а 23 % указали на малочисленность данной группы в криминальной субкультуре, 19 % никак не прокомментировали данный вопрос, 51 % опрошенных ответили, что не знает воровского жаргона.

Обращаясь к вопросу о гедонистических ценностях современного имущественного преступника, отметим, что 25 % опрошенных указали, что тратили деньги на семью, 40 % – на такие нужды, как спиртное, наркотики, женщины и развлечения, прочее.

Из общего числа опрошенных, число лиц, содержащихся за совершение кражи, составляет 73 человека или 33,7 %. За совершение преступления, предусмотренного статьей 161 УК РФ, содержится 18 человек – 8,3 %, статьей 162 УК РФ – 9 человек или 4 %, статьей 159 УК РФ – 7 человек или 3,2 %. Очевидно, что наибольшее число имущественных преступников привлечено к уголовной ответственности за совершение кражи, которая составляет наибольшее число регистрируемых на территории России преступлений.

Данные анкет свидетельствуют, что умысел на совершение имущественного преступления возник внезапно в 47,6 % случаев, заранее обдуман умысел был только в 11,5 % преступлений. 58,7 % опрошенных указали, что совершили преступление в состоянии алкогольного опьянения, доля имущественных преступников в этом числе составляет 42 % ответивших. А.И. Марцев по этому поводу выразил мнение, что доля квалифицированного воровства сравнительно не велика. Профессиональное совершение краж не сопоставимо с состоянием алкогольного или наркотического опьянения [9].

На вопрос о страхе перед наказанием 46 % опрошенных ответили, что страха не испытывали, 36 % лиц было безразлично, какое наказание их ожидает. Имея данные сведения можно судить, что само уголовное наказание в недостаточной степени превентивно, коль скоро оно не является фактором устрашения, а подчас и вовсе отношение к ней безразлично.

Результаты ответов на вопрос о критической оценке своего поведения свидетельствуют о том, что осуждает себя за содеянное достаточно малое число лиц, избличенных в совершении преступлений. Несмотря на это, в процессуальном плане 65,5 % опрошенных, на момент анкетирования привлеченных к уголовной ответственности за совершение имущественных преступлений, при-

знают свою вину; 12 % не признают, а 17,5 % признают частично.

Отличительным признаком 51 % исследуемых имущественных преступлений является то, что имущество потерпевшего никак не охранялось.

Таким образом, современный портрет лица, совершающего имущественные преступления, отнюдь не выглядит как изображение изможденного нуждой бедняка, ступающего на криминальный путь, когда иным способом решить свои проблемы невозможно. Молодой возраст, отсутствие социальных обязательств, соотнесение себя с криминальной субкультурой и как следствие искажение системы жизненных ориентиров являются атрибутами стабильно высокого числа совершаемых имущественных преступлений. Ключевая особенность состоит в мотивационной сфере, характеризующейся желанием личного обогащения и удовлетворения потребностей за чужой счет как следствием неприятия собственности и другой личности в целом. Подобное положение вещей отнюдь не случайно. В значительной степени дискурс, избыточный симулякрами мнимых ценностей, выводящих человека за грань естественной жизни и потребностей в гиперреальность [10] медийного пространства, сама по себе толкает современное общество на грань имморализма.

При этом я более склоняюсь к мнению Е.С. Жигарева, о том, что “причина противоправных действий лежит в самом человеке, а окружающая среда способствует проявлению этих причин” [11]. Да и степень восприимчивости личности к подобного рода воздействиям так же не одинакова у каждого. Нелинейность волевых проявлений личности преступника отнюдь не означает, что положительное профилактическое воздействие на нее невозможно, как и группировка по общим признакам преступников. Зло сосредоточено в самом человеке, и у каждого из нас оно имеет общие корни и проявления. Таковую же точку зрения выражают профессор А.И. Осипов, Ф.М. Достоевский и др. И этот тезис в определенной мере дает основание допустить тот факт, что молодой, здоровый, достаточно обеспеченный человек дезадаптируется в социуме до той степени, что совершение краж для него, даже под угрозой наказания, является неотъемлемой частью деятельности. Происходит это не только под воздействием внешних факторов, но и внутренней пустоты, неопределенности, необоснованности своего существования. При этом мотив преступления – отнюдь не удовлетворение первичных потребностей.

Таким образом, задача выявления личности совершающего имущественные преступления сводится к констатации наличия у человека ин-

дивидуальных особенностей, определяющих его большую, по сравнению с остальными, подверженность к совершению преступления. Профилактическая функция правоохранительных органов должна сводиться к минимизации факторов, формирующих “экстремумы индивидуальности”, подталкивающие человека на преступный путь; кроме того должна быть направлена на устранение внешних традиционных факторов преступности, поскольку прямое воздействие на волю (личность в данном контексте) не только малопродуктивно, о чем свидетельствует и пенитенциарный опыт, но и слабо прогнозируемо.

Литература

1. *Овчинский В.С.* Криминология и биотехнологии / В.С. Овчинский. М.: Норма, 2005.
2. *Антоян Ю.М.* Личность преступника / Ю.М. Антоян, В.Н. Кудрявцев, В.Е. Эминов. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004.
3. *Диакон Андрей Кураев.* Конспект лекции “О филиокве” // URL: <http://azbyka.ru/religii/konfessii/3g50-all.shtml>
4. *Юнг К.Г.* Исследование феномена самости // URL: <http://www.koob.ru/jung/>
5. *Волков Б.С.* Мотивы преступлений / Б.С. Волков. Казань, 1982.
6. Окончательные итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. // URL: http://www.perepis-2010.ru/results_of_the_census/results-inform.php
7. *Воронин С.Э.* Вопросы философии в современной юридической проблематике: монография / С.Э. Воронин; Сиб. юрид. ин-т МВД России. Красноярск, 2004.
8. *Фрейд З.* “Я” и “Оно” / З. Фрейд. Тбилиси: Веста, 1991.
9. *Бышевский Ю.В.* Криминологическая характеристика вора / Ю.В. Бышевский, А.И. Марцев; Научно-исследовательская и редакционно-издательская группа. Омск, 1973.
10. *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляция / Ж. Бодрийяр; пер. с франц. О.А. Печенкина. Тула, 2013.
11. *Жигарев Е.С.* Личность. Преступность. Религия / Е.С. Жигарев. М.: Щит-М, 2004.